

СЕРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ

Joseph A. Schumpeter
Die Krise
des Steuerstaates.
Zur Soziologie
der Imperialismen

Йозеф Шумпетер
Кризис налогового
государства.
Социология
империализмов

Перевод с немецкого
Кирилла Лощевского
под научной редакцией
Эдуарда Сафронова

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2025

УДК 330(075.8)
ББК 65.01я73
Ш96

<https://elibrary.ru/cijjtp>

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта Александр Павлов

Шумпетер, Йозеф

Ш96 Кризис налогового государства. Социология империализмов / пер. с нем. К. Лоцевского ; под науч. ред. Э. Сафронова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 216 с. — (Экономическая теория). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2992-8 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4089-3 (e-book).

В книгу вошли два произведения выдающегося австро-американского экономиста, политолога, социолога первой половины XX века Йозефа Шумпетера (1883–1950) — «Кризис налогового государства» и «Социология империализмов», ранее на русском языке не публиковавшиеся. В написанных сразу после окончания Первой мировой войны работах автор анализирует происходящие социально-экономические процессы и предлагает пути решения возникающих проблем. Шумпетер вошел в историю экономической науки как глубокий исследователь теоретических проблем предпринимательства и эволюции социально-экономических систем, историк и методолог экономической теории. Его широкое эволюционное видение социально-экономических процессов до сих пор оказывает влияние на современную экономическую мысль.

Книга предназначена для преподавателей и студентов экономических и социологических факультетов, аспирантов и исследователей в области общественных наук, а также для всех интересующихся наследием классиков экономической науки.

УДК 330(075.8)
ББК 65.01я73

Переведено по: *Schumpeter J.A. Die Krise des Steuerstaates // Zeitfragen aus dem Gebiet der Soziologie. 4. Heft. 1918; Schumpeter J.A. Zur Soziologie der Imperialismen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 46. 1919.*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2992-8

ISBN 978-5-7598-2992-8 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4089-3 (e-book)

© Перевод на русский язык.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

КРИЗИС НАЛОГОВОГО ГОСУДАРСТВА

I. Вопросы	9
II. Финансовая социология	12
III. Кризис доменного хозяйства на исходе Средневековья	16
IV. Сущность и границы налогового государства	35
V. Должно ли оно рухнуть?	52

СОЦИОЛОГИЯ ИМПЕРИАЛИЗМОВ

I. Проблема	83
II. Империализм как фраза	89
III. Империализм как практика	110
IV. Империализм в абсолютистском монархическом государстве Нового времени	149
V. Империализм и капитализм	162

КРИЗИС НАЛОГОВОГО ГОСУДАРСТВА

Перевод издания: *Schumpeter J.A.* Die Krise des Steuerstaates // Zeitfragen aus dem Gebiet der Soziologie. 4. Heft. 1918. S. 1–71.

I. Вопросы

В ОПРЕДЕЛЕННЫХ кругах стало аксиомой утверждение, что проблемы государственных финансов, оставленные нам войной, не могут быть решены в рамках того устройства экономики, которое господствовало до войны. Это экономическое устройство представляло собой смесь весьма противоречивых и разнородных элементов, каковую, лишь прибегнув к достаточно смелой абстракции, можно назвать экономикой свободной конкуренции. При этом она всем тем, что могла предъявить в качестве «прогресса» и успеха, была обязана свободе конкуренции, сохранявшейся в ней, несмотря ни на что, — в том числе вопреки тем попыткам установления государственного контроля, которые, как известно, были лишь усилены войной, но вовсе не были ею порождены как таковые. Обречено ли это экономическое устройство пасть под бременем военных тягот или оно должно быть преобразовано государством таким образом, чтобы затем появилось нечто новое? Как правило, ответ на этот вопрос отнюдь не основывается на беспристрастном анализе. Как и во всем остальном, здесь каждый стремится к тому, чтобы то, чего он всегда желал, было реализовано как необходимое следствие войны: один ждет краха «зрелого капитализма», кульминацией которого явилась война; другой —

более полной, нежели прежде, экономической свободы; третий — смоделированной нашими «интеллектуалами» «административной экономики». Это должно произойти, поскольку государство — как с удовлетворением говорит буржуа — или свободная экономика — как с воодушевлением утверждает интеллектуал — оказались несостоятельными. Ни один из них — но ближе к этому все-таки социалист — не пытается обосновать это суждение таким способом, который имел бы хотя бы некоторое сходство с привычной практикой экономического мышления. Весьма прискорбная, как и почти все в проявлениях культуры или бескультурья нашего времени, эта дискуссия доказывает, что по крайней мере для лозунгов закон свободной конкуренции все еще актуален: побеждает самый дешевый. Ни в какой другой области знания подобное не было бы возможно. Лишь в экономических вопросах каждый считает себя компетентным специалистом и полагает, что он вправе, простодушно разделяя вековые заблуждения, непринужденно объявлять свои в высшей степени личные — экономические или идейные — интересы апогеем всякой мудрости. Однако здесь эта тема затрагивается лишь в самых общих чертах. Тот, кто желает обратиться к ее исчерпывающему обсуждению, может отложить этот номер в сторону. Ведь нас интересует не она, а кое-что другое.

Если приведенное нами в начале наших рассуждений утверждение истинно, то мы находимся в преддверии кризиса гораздо более значительного, чем тот, на который указывает вынесенная в заголовок фраза. С одной стороны, отказ от налогового государства и переход к какой-то другой форме покрытия совокупных потребностей не просто означал бы, что место довоенной финансовой системы займет какая-то другая финансовая система. Скорее, изменило бы свою сущность и то, что мы называем современным государством; приводимая в движение новыми моторами, экономика должна была бы направить-

ся какими-то новыми маршрутами; социальная структура не могла бы оставаться прежней; жизненные чувства и культурные смыслы, психический габитус индивидов — все это должно было бы измениться. С другой стороны, достаточно очевидно, что продолжительная несостоятельность налогового государства не могла бы быть случайным следствием какого-нибудь одного, пусть и чрезвычайно значительного повреждения, как если бы, например, в остальном полностью жизнеспособное налоговое государство внезапно стало бы невозможным в результате мировой войны и ее последствий. Простейшее рассуждение показывает, что война разве что продемонстрировала намного более фундаментальную недостаточность общественной формы, финансовым выражением которой является налоговое государство, что она самое большее могла стать лишь поводом для проявления дефектов несущих конструкций нашего общества и только приблизила крах, неизбежный по более глубинным причинам. Здесь финансовая ситуация открывает перед нами важную в социологическом отношении перспективу, которая нас, собственно, и интересует. Что означает «несостоятельность налогового государства»? Что вообще составляет его сущность? Как оно возникло? Каковы социальные процессы, лежащие в основании поверхностных фактов, выражаемых бюджетными цифрами?

II. Финансовая социология

НЕПРЕХОДЯЩАЯ заслуга Гольдшейда¹ состоит в том, что он первым обратил должное внимание на этот подход к финансовой истории, открыв широкой публике ту истину, что бюджет представляет собой «очищенный от всех вводящих в заблуждение идеологий скелет государства» — смесь суровых, голых фактов, которые только и должны иметь значение в области социологии. Прежде всего, финансовая история каждого народа составляет существенную часть его истории вообще: огромное влияние на судьбу народов оказывает экономическое кровопускание, вызываемое потребностями государства, и то, каким образом используется результат этого кровопускания. Непосредственное влияние финансовых потребностей и финансовой политики государств на развитие национальной экономики, а тем самым и на все жизненные формы и культурные смыслы в некоторые исторические периоды объясняет практически все основные характеристики сложившейся ситуации, в большинстве периодов — очень многие из них и лишь в немногие — ничего. Наш индустриальный организм, каков он есть, нельзя понять, если не принимать во внимание это обстоятельство. А наши люди под финансовым давлением государства стали такими, какими они по сути явля-

ются. Вплоть до начала нашего столетия экономическая политика государств руководствовалась в первую очередь финансовыми мотивами — например, только финансовые мотивы определяли экономическую политику Карла V; в Англии к началу XVI века они привели к господству иностранных купцов, пользовавшихся государственными привилегиями; во Франции времен Кольбера — к попытке подчинить всю страну корпоративному регламенту, а в Пруссии при Великом курфюрсте — к переселению французских ремесленников. И все это породило формы хозяйствования, человеческие типы и промышленные локации, которые без этого не появились бы, и все это сказывается и по сей день — но не только: финансовые мероприятия государств, даже если это было непреднамеренно, создавали и уничтожали индустриальные отрасли, индустриальные формы и индустриальные районы, тем самым способствуя построению (и *перекосам*) структуры современной экономики, а в силу этого и созиданию духа современности². Однако намного более важным, чем *каузальное*, является *симптоматическое* значение финансовой истории. Каким духом вскормлен тот или иной народ, на какой ступени культуры он находится, как выглядит его социальная структура, к каким последствиям для предприятий может привести его политика³ — несколько не преувеличивая, можно сказать, что в ней мы найдем все это и еще многое другое. Тот, кто способен услышать ее послание, отчетливее, чем где-нибудь еще, услышит в нем гром всемирной истории.

Важнее всего то, что процессы, о которых повествует финансовая история, позволяют нам выявить как законы социального бытия и социального генезиса и движущие факторы народных судеб, так и способы возникновения и исчезновения *конкретных* ситуаций, прежде всего организационных форм. Финансы являются одним из наиболее оптимальных исходных пунктов для исследования

социального механизма, и особенно, но не только, механизма политического. Именно в тех поворотных пунктах или, точнее, в те поворотные эпохи, в которые существующее начинает отмирать и переходить в нечто новое и которые, в том числе и в финансовом отношении, всегда представляют собой кризисы тех или иных старых методов, проявляется вся плодотворность этой точки зрения: как в каузальном значении — поскольку процессы в сфере государственных финансов являются важным элементом комплекса причин всякого изменения, — так и в симптоматическом — поскольку все, что происходит, накладывает свой отпечаток на финансовое хозяйство. Несмотря на все оговорки, которые всегда можно сделать в таких случаях, здесь, пожалуй, имеет смысл говорить о специфическом фактическом материале, о специфическом круге проблем, специфическом ракурсе рассмотрения, короче, о некоей особенной области: финансовой социологии, от которой много можно ожидать.

Из этих ракурсов рассмотрения, развитие которых по большей части все еще зависит от воли богов, нас прежде всего интересует один: рассмотрение государства, его сущности, его форм, его судеб с финансовой точки зрения. Результатом этого рассмотрения является выражение «налоговое государство». Тому, что с достаточной ясностью им обозначается, посвящены нижеследующие исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Goldscheid R. Staatssozialismus oder Staatskapitalismus. Wien: Anzengruber Verlag, 1917.* Научное значение этой талантливой книги составляет основополагающая идея социологии финансов, а причиной ее успеха стали практические рекомендации по решению проблемы государственных финансов. Эти практические рекомендации нас здесь не интересуют, хотя кое-что из последнего раздела предлагаемого очерка является их косвенной критикой, вопро-

чем, и совпадая с ними в том, что касается разового налога на имущество (значение которого, разумеется, понимается Рудольфом Гольдшейдом и мной совершенно по-разному).

- ² Нередко это недооценивалось. Однако историки часто склонны переоценивать влияние государственной власти на формирование экономики. Никогда национальная экономика и государственный бюджет не образовывали действительно единого «государственного хозяйства», никогда государство не было способно создать на длительный срок нечто такое, чего (пусть, возможно, в большей или меньшей мере) не порождало бы свободное хозяйство. Например, старыми правилами рыночной торговли еще и сегодня объясняется местоположение некоторых промышленных производств. Однако такие случаи в целом представляют собой лишь отклонения от сугубо экономически обусловленных местоположений.
- ³ Тот, кто разбирается в бюджетах и исследовал процессы на международном денежном рынке, мог предвидеть мировую войну по меньшей мере за десять лет до ее начала.

III. Кризис доменного хозяйства на исходе Средневековья

СОВРЕМЕННОЕ налоговое государство, вопрос о «кризисе» которого ставится сегодня, само выросло из кризиса своего предшественника, феодального союза. Оно, как известно, — по крайней мере в Германии и Австрии, материалом которых мы в основном намерены ограничиться, — не является ни непосредственным продолжением, ни воспроизведением в смысле реставрации или «культурного заимствования» античного налогового государства¹, а коренится в весьма своеобразных отношениях между империей и территориальными монархиями в XIV–XVI веках. Историю возникновения налогового государства можно описать в нескольких словах².

Его [это государство] создало веление времени. Монарх XIV–XV веков не был безусловным хозяином земель своей страны, каковым он стал после Тридцатилетней войны. Сословия, прежде всего различные категории дворянства, в меньшей степени духовенство, в еще меньшей степени городское бюргерство и в последнюю очередь, особенно в Тироле и Восточной Фрисландии, то, что еще сохранилось от свободного крестьянства, занимали по отношению к монарху прочное положение, обладая собственной властью и собственным правом; положение, которое, по сути, было равноценно его собственному ста-

тусу, основывалось на, по сути, тех же самых санкциях и складывалось, по сути, из тех же самых элементов. Статус монарха также представлял собой сумму герцогских, графских, фогтских, ленных, помещичьих и тому подобных прав, как и положение прочих землевладельцев и обладателей иммунитета. Сюзерен, стало быть, отличался от них только градуально, как *primus inter pares*, и это лишь постепенно затенялось тем фактом, что его феодальная и прочая зависимость от императора и империи все более ослабевала, тогда как основывавшееся на отдельных титулах подчинение ему территориальных сеньоров не только сохранялось, но и усиливалось, вылившись, наконец, в совокупность суверенных прав — особый «территориальный суверенитет». Этот территориальный суверенитет был одним из зародышей государственной власти³, точно так же, как и положение несuverенных землевладельцев, хотя и в меньшей степени и отчасти в другой сфере.

Монарх уже тогда усвоил замашки и фразеологию государственной власти, опираясь на логику фактов и вдохновляясь воззрениями, основанными на римских образцах. Наконец, в нем еще оставалось что-то от статуса прежних времен, от сменяемого имперского сановника Каролингов и Оттонов (Людольфингов)⁴, получавшего от них этот территориальный суверенитет, притом что он еще не был государственной властью. Ведь он основывался не на общегосударственном суверенитете, представителем или персонификацией которого мог бы ощущать себя монарх и из санкции которого выводились бы права прочих, противостоящих ему на этой территории сил. Этой суммой прав и властных полномочий монарх обладал для собственной пользы, так что его фразеология по поводу общественного блага и тогда, и еще много позднее имела приблизительно такой же смысл, как и сентенции какого-нибудь сегодняшнего фабриканта. Поэтому естественно-правовое различие между *persona publica* мо-

нарха и его *persona privata* тогда еще не только не было известно вследствие недостатка юридического или социологического анализа⁵, но и отсутствовало по существу и попросту не имело бы смысла. Ведь монарх тогда еще не рассматривал свою территорию так, как современный помещик рассматривает свой скотный двор. Это произошло позднее. Пожалуй, он рассматривал ее так же, как сумму своих прав — как *patrimonium*, которым он мог распоряжаться, не заботясь ни о ком другом.

И не только он рассматривал подобным образом свои привилегии, но и все остальные люди, прежде всего прочие «владельческие сеньоры» страны, мнение которых только и имело значение. Несомненно, они выражали определенную точку зрения на то, как монарх использует свои права. Однако они делали это в том же самом смысле, в каком сегодня заинтересованные лица из любой отрасли и любой сферы деятельности высказывают мнение по поводу, например, злоупотребления правом или антисоциального поведения какого-нибудь землевладельца или фабриканта. Нам это кажется странным. Однако зря. Ведь рассуждения с точки зрения общего блага, о котором мы сегодня так печемся, в то время были невозможны, поскольку никто его не отстаивал, — ведь оно не основывалось ни на какой социальной силе.

Разумеется, многие из этих монарших прав и тогда служили потребностям социальной общности: прежде всего право осуществлять судопроизводство. Однако это еще не делало его чем-то «публичным» или «государственным»: обувь также нужна социальной общности, но производство обуви вовсе не обязательно является публичным делом, хотя и может быть таковым. Вообще нет ничего, что не *может* быть «публичным» или «государственным» делом, если уже имеется государство, и ничего, что обязательно *должно* входить в сферу «публичного» или «государственного» в том смысле, что в ином

случае мы не могли бы говорить о государстве⁶. Пока государства как особой реальной власти не существует, различие публичного и частного права вообще не имеет смысла. Утверждение, что в Средние века публичное право включало в себя частноправовые моменты или что тогда вообще имелось только частное право, представляет собой такую же недопустимую проекцию *нашего* образа мышления на прошлое, как и противоположное утверждение⁷. Понятие государства неприменимо к тогдашним обстоятельствам, но не из-за отсутствия того, что мы сегодня усматриваем в сфере государственности, и сохранения только приватной сферы, а потому, что организационные формы обеих сфер (как то, что мы сегодня причисляем к публичной, так и то, что мы относим к частной сфере) сливаются в некоем иначе организованном единстве.

Для хозяйства территориального монарха это означало, что он должен был сам оплачивать все расходы на политику, которая еще не была государственной политикой, а являлась его личным делом: например, покрывать издержки войн со «своими» врагами, если только в силу специфики титула — обязанности вассалов нести военную службу — у него не было права взимать необходимые для этого повинности. Государственная власть в столь же малой степени была источником средств, находившихся для этого в его распоряжении, сколь и его суверенитета, — если последний был суммой различных прав, то и они представляли собой сумму доходов весьма различной природы. Самыми важными были поступления из его собственных земельных владений, то есть взносы (с XIII века главным образом выражавшиеся в денежной ренте) его «подданных», крепостных крестьян, чьим сеньором он был. Вплоть до XVI–XVII веков в этих взносах видели основу финансового хозяйства монарха, а в реформе управления доменом, которая проводилась повсюду в период между XIII и XVI веками, — ядро «финансовой

проблемы» эпохи. К ним добавлялись различные полезные права, регалии на чеканку монеты, содержание рынков, таможен, рудников, защиту евреев и, наконец, доходы от судопроизводства, городов и сельских имений. Кроме этого, имелись традиционные дары от ленников, вызывавшие множество споров церковные льготы, но никакого всеобщего требования выплаты «налогов». Исключение составляли разве что города. Ведь, хотя еще не было идеи государства, они уже знали «идею города», а ее развитие как в этом, так и в других пунктах предвосхитило те явления, которые распространились на всю страну лишь намного позднее. В остальном ни свободные люди, ни даже зависимые дворяне никаких налогов не платили⁸.

В течение XIV–XV веков финансовое положение монарха становилось все более затруднительным, что странным образом противоречило улучшению его положения во всех прочих отношениях — как по отношению к империи, так и по отношению к прочим влиятельным силам на территориях — и зачастую приводило к трагикомическим ситуациям. На рубеже XV–XVI веков, а в некоторых случаях уже в XIV столетии положение становится совсем невыносимым — наступает кризис финансового хозяйства. Рассмотрим подробнее положение дел в Австрии («пяти землях Нижней Австрии» в тогдашней терминологии). Непосредственной причиной того, что монарх оказался в долгах и в конечном счете не мог более занимать деньги, было то, что он плохо хозяйствовал — нерационально управлял своим доменом. Если бы дело было только в этом, то мы, пожалуй, говорили бы о кризисе хозяйства конкретного монарха, но не о кризисе данной финансовой системы вообще. Любая финансовая система может при определенных обстоятельствах потерпеть крах. Это еще отнюдь не означает краха ее *принципа*: пока причина остается акцидентальной, то есть не вытекает из внутренней необходимости системы, и пока внутри системы мо-

жет быть найдено спасительное средство, то есть в данном случае лучшая экономика, крах интересен разве что для историка, но не для социолога. Он не позволяет судить о каком-либо более глубинном процессе социальной трансформации: потерпевшее крах хозяйство тем или иным образом ликвидируется, а затем хозяйствование продолжает осуществляться тем же самым способом, что и прежде⁹. Это важно для определения понятия того, что мы понимаем под «кризисом» — в том числе и кризисом налогового государства.

Гораздо интереснее другая причина затруднений монархов: то, что обычно историки называют придворным расточительством. Именно содержание всех дворян на службе у монарха делало двор таким дорогим. И эти расходы не были случайными или необязательными: ведь хорошо оплачиваемая придворная служба превращала строптивую сельскую знать в лояльную придворную, чиновную и военную аристократию, и если монарх хотел контролировать ситуацию, то он вынужден был предоставлять дворянам такую придворную службу, поскольку узы вассальных отношений начинали ослабевать. Но средств монарха, не рассчитанных на такие траты, для этого было недостаточно. Здесь мы сталкиваемся, с одной стороны, и с *фактором*, и с *симптомом* процесса социальных преобразований, а с другой стороны, с «принципиально интересной» причиной расстройства финансового хозяйства монархов.

Но самой важной причиной финансовых затруднений были растущие расходы на ведение войн. Появление наемных армий (которое поставило монархов в ситуацию аналогичную той, в которой в наши дни оказались аристократические домохозяйства, когда им пришлось платить каждому слуге заработную плату, определяемую индустриальным рынком труда), разумеется, не было следствием изобретения оружейного пороха, как об этом с

невольным юмором рассказывает гимназический учебник. В конечном счете призывное феодальное войско могло бы с тем же успехом научиться использованию огнестрельного оружия. А завербованный наемник еще долго атаковал врага на своем коне, как это делал бы и дворянин. Однако дворянскому поместному войску в первую очередь не доставало численности, особенно по сравнению с армиями турок. Кроме того, дворянское войско все больше сопротивлялось выполнению своего долга и все чаще оказывалось несостоятельным перед лицом врага. В конце концов монарх понимал, что ничего не может с этим поделать, и в XVI веке использовал свое право призыва на воинскую службу только для ослабления непокорных сословий. Почему это произошло? Просто потому, что жизнь разрушила феодальную организацию, поскольку, после того как лены давным-давно стали де-факто наследственными, вассалы стали ощущать себя независимыми хозяевами своей земли, психологически освободившись от ленного союза, жизненной стихией которого были постоянная борьба, непрерывные завоевания, рыцарская жизнь в раннесредневековом смысле этого выражения¹⁰. Это одна из форм того процесса, который я в своих частных целях называю «патримониализацией личности». И выражением этого процесса были наемные армии и вызываемые ими финансовые потребности, затем, в свою очередь, становившиеся движущей силой дальнейшего развития. Например, на рубеже XV–XVI веков обычный доход Кёльнского курфюршества составлял 110 тыс. рейнских гульденов, Майнцского — 80 тыс., Трирского — 60 тыс., Бранденбурга — 40 тыс. Их всех намного превосходил Габсбургский дом, который только из своих коренных территорий извлекал 300 тыс. гульденов. Однако даже этой суммы хватило бы лишь на содержание 6 тыс. пехотинцев или 2,5 тыс. «подготовленных к бою лошадей» в течение года. И с этими 6 тыс. пехотинцев и 2,5 тыс. всадников монарх должен был проти-

востоять 250 тыс. турок, которых Порта в любой момент могла отправить на войну. Здесь с ясностью хрестоматийного примера перед нами предстает то, что мы понимаем под кризисом *финансовой системы*: очевидное, неминуемое, продолжительное расстройство, вызванное глубокими и необратимыми социальными изменениями.

Монарх делал то, что он мог, а именно долги. Когда он больше не мог занимать, он обращался с просьбами к сословиям. Он признавал, что у него нет права требовать, объявлял, что удовлетворение его просьбы никак не нарушит права сословий, обещал, что никогда больше не будет обращаться с такими просьбами, — таково содержание тех «писем о возмещении ущерба», которые, если бы эта линия развития продолжалась без перерыва, могли бы занять то же самое место, которое в Англии занимает Великая хартия вольностей. При этом монарх ссылался на свою финансовую несостоятельность и на то, что такие вопросы, как, например, турецкие войны, не являются только его личным делом, — то есть на «общую необходимость». И сословия согласились с этим. В тот момент, когда они это сделали, было признано такое положение вещей, которое должно было свести на нет все бумажные гарантии от налоговых требований. Это означало, что старые формы, вовлекавшие всю личность целиком в сверхперсональные целевые системы, отмерли, а индивидуальное хозяйство каждой семьи стало центром ее существования. Тем самым была учреждена приватная сфера, которой теперь противостояла публичная сфера как нечто от нее отличное: из «общей необходимости» родилось государство.

Поначалу установление налога еще отнюдь не подразумевало введения всеобщей налоговой повинности. Это подтверждает, что наблюдаемые нами факты полностью соответствуют изложенному выше пониманию сущности политической общности Средневековья, которая лишь постепенно переориентировалась в направлении, соответ-

ствующем современной идее государства. Мало того, что установление налогов распространялось только на проголосовавшие за него сословия и зависимых от них безземельных крестьян (на которых в Австрии с 1518 года с согласия сеньора и так перекладывалась часть налога), но не на всю страну в целом, так к тому же поначалу платить обязан был лишь тот, кто сам за это проголосовал, тогда как тот, кто до голосования сел на свою лошадь и уехал, платить был не должен¹¹. Это говорит само за себя. Налоговая повинность на основании решения большинства, все большая всеобщность налоговой повинности и контролируемое законом распределение налогового бремени между сеньорами и безземельными крестьянами — все это внедрялось весьма медленными темпами. А для нас, хотя мы и не можем здесь вдаваться в подробности, интерес представляет то обстоятельство, что этот процесс шел синхронно с проникновением государства и во все прочие сферы, причем финансовый аспект, очень часто оказываясь движущим фактором¹², всегда оставался достоверным отражением развития социальных тенденций.

Сословия не доверяли монарху. Очень часто через своих комиссаров они направляли собранные деньги на свои цели, они постоянно отбивались — за исключением тех неприятных случаев, когда взыскание было связано с какими-то трудностями, — от вмешательства монарха в определение способа сбора согласованных сумм. Так формировалась территориально-сословная, управляемая сословной бюрократией налоговая система, пережившая свой расцвет во второй половине XVI века и ставшая фундаментом сословного самоуправления и в других сферах: новорожденное государство получило прочный каркас, создало свои собственные органы, стало самостоятельной силой. Налоги взимались уже не только для целей, определяемых монархом, но и для других. Например, сословия Штирии и Каринтии многое делали для общественно-

го образования, и в целом там развивалась привлекательная, свободная, автономная культурная жизнь. Разумеется, все это служило классовой свободе, классовой культуре и классовой политике. Крестьянин был подавлен железным кулаком. Однако эти свобода, культура и политика соответствовали духу времени, и какую же узость взглядов и душевную черствость демонстрируют ориентированные на монархическую бюрократию историки либерального толка, которые в борьбе между монархом и сословиями встают на сторону первого, изображая его как отца отечества, радеющего за общественное благо и борющегося против brutального господского класса на стороне угнетенных. Но как бы то ни было, налоговое государство появилось — как идея и как механизм.

Во всей Европе монархи начали борьбу за контроль над этим государством. В Англии она завершилась эшафотом для Карла I. В остальных случаях — победой монарха, поскольку на опустошенной религиозными войнами земле единственной несокрушимой силой оставались только монарх и его солдаты. И теперь монарх отобрал у сословий мощное оружие «государство», хотя ковать его начали именно они. Впоследствии современные континентальные демократии, в свою очередь, вырвали у него из рук это оружие, но это было государство, сформированное в соответствии с его, монарха, интересами и намерениями, которые еще долго будут оказывать свое влияние. На континенте всюду *его* бюрократия превратилась в государственную бюрократию, его власть стала государственной властью, включившей в себя все его прежние права, за исключением того остатка, который она не могла ассимилировать и который позднее составил сферу частного права монарха. Но прежде всего на захваченную государственную власть было перенесено «патримониальное» понимание прав монарха, *теперь* он действительно в своей стране стал подобен помещику в своем имении, те-

перь он был государством — реальной властью в публичной сфере¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хотя, например, Луйо Brentano утверждает, что современная хозяйственная жизнь (благодаря византийскому посредничеству) находится в непрерывной взаимосвязи с античной и может быть понята только исходя из нее, что даже германское помещичье землевладение можно объяснить лишь по образцу римского латифундизма, см: *Brentano L. Die byzantinische Volkswirtschaft. Ein Kapitel aus Vorlesungen über Wirtschaftsgeschichte // Sonderabdruck aus Schmollers Jahrbuch. Jg. 41. Hyae 2. München; Leipzig: Duncker und Humblot, 1917. S. 569–614.* Здесь, несомненно, — это можно сказать, не отвергая идею полностью, — налицо сильная переоценка действительно перенимаемой раз за разом фразеологии. Хотя аналогии достаточно ясные, они, однако, доказывают лишь то, что одни и те же причины имеют одни и те же следствия. См. также: *Rambaud A. L'empire grec au dixième siècle. Paris: A. Franck, 1870; Chalandon F. Essai Sur Le Règne D'alexis Ier Comnène (1081–1118). Paris: A. Picard et fils, 1900; Bussell F.W. The Roman Empire. Vol. 1–2. London: Longmans, Green, and Co., 1910.*
- ² Каждое из этих слов спорно. Заслуга книги Зандера «Феодальное государство и буржуазный строй» (*Sander P. Feudalstaat und bürgerliche Verfassung: Ein Versuch über das Grundproblem der deutschen Verfassungsgeschichte. Berlin: A. Bath, 1906*) состоит в том, что в ней продемонстрировано, что облака неясности, собравшиеся над историей германского государственного устройства, лишь отчасти объясняются самой сутью дела, то есть ощутимой бедностью материала и зачастую нечеткими очертаниями предметов, а отчасти являются следствием отсутствия адекватного понятийного аппарата. А это последнее несчастье, в свою очередь, вызвано — и это понимал уже Зандер — не только тем, что историки (в том числе и историки права) зачастую с недостаточной тщательностью подходят к образованию юридических понятий, а прежде всего тем, что они либо вообще используют исключительно юридические понятия, либо используют нужные им понятия в их юридической формулировке. Но юридические понятия как таковые не годятся для осмысления исторических процессов, в особенности для (а здесь речь идет именно об этом) сравнительной характеристики типов исторически данных — точнее, извлекаемых

из истории — состояний. Ведь они являются порождениями определенных правовых систем, а следовательно, определенных социальных ситуаций и соответствующей им юриспруденции, а вне этой среды утрачивают свой истинный смысл, но в этом отношении нас вводит в заблуждение тот факт, что имена, в которых выражаются понятия, по большей части сохраняются более поздними эпохами.

Поэтому историки, в том числе историки государственного устройства, когда речь идет об исчерпывающем осмыслении и понятийном конструировании социальных (в том числе связанных с государственным устройством) состояний, а не о специфически юридических вопросах, должны обращаться не к юриспруденции, а к социологии, в которой нет таких «обусловленных правовой системой» понятий, а кроме того, ее собственные понятия служат не *юридическим*, а сугубо *теоретическим* целям. Таким образом, для юридических понятий совершенно справедливо ставшее стереотипом предостережение историков о том, что недопустимо «проецировать» подходы, рожденные *одним* временем, на какое-либо другое время, в частности современные понятия — на Средневековье. Поэтому нечто истинное содержится даже в утверждении Еллинека (*Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. Berlin: O. Häring, 1900. S. 446*), что из явлений далеко отстоящих друг от друга эпох нельзя вывести общие государственно-правовые понятия. Однако его не следует понимать — как это, несомненно, нередко происходит — в том смысле, что не бывает никаких — например, экономических или социологических — понятий, способных выжить в любом (или во множестве различных) историческом климате. Если бы это было так, то невозможно было бы не только никакое сравнение, но и никакое научное исследование в поле человеческого действия и страдания.

Тем не менее то немногое, что мы хотим сказать, можно было бы назвать *communis opinio*, в том числе и истории права, особенно если мы откажемся от использования понятия государства. В том, что касается *фактов*, на которых мы основываемся, можно было бы сослаться на длинный ряд разномастных авторитетов от Гегеля до Гирке, Бруннера, не исключая исторического социолога Шмоллера, и почти на столь же длинный список в том, что касается их *толкования* по большинству пунктов. Именно поэтому уже здесь следует вспомнить о важнейшем авторитете, который с особенной энергией, отчасти оглядываясь на господствовавшие ранее в науке воззрения, отстаивает противоположную точку зрения, — это Г. фон Белов. Его книга «Германское госу-

дарство в Средние века» (*Below G. von. Der deutsche Staat des Mittelalters. Leipzig: Quelle und Meyer, 1914*) посвящена в первую очередь доказательству тезиса, выдвигавшегося автором во всех его работах, согласно которому средневековое государство было государством в нашем смысле, его право представляло собой «публичное» право, а идея публично-правового союза подданных никогда полностью не умирала. Если это означает, что «частноправовая» интерпретация форм средневекового устройства неосуществима и что, в частности, невозможно полностью удовлетворительное выведение верховного суверенитета из сеньориальной власти, то, с точки зрения, отстаиваемой в тексте, это, разумеется, — и данное обстоятельство следует категорически подчеркнуть — не вызывает возражений. Но если автор желает доказать обратное, то, пренебрегая точкой зрения, которую ранее отстаивал Зандер, он, как представляется, терпит неудачу. Он начинает (S. 107) с признания, что при обсуждении таких проблем необходима понятийная ясность, и это весьма радостно слышать из уст историка. Однако ему, кажется, в этой материи незнаком какой-либо иной способ образования понятий, кроме юридического, что странным образом противоречит его благому намерению (S. 109) включить в свое изложение «все формообразующие элементы нашего столетия», — точно так же, как исторический антитеоретический ригоризм, в котором фон Белов так часто признавался, едва ли совместим с характерной для него — и действительно противоречащей такому ригоризму — тенденцией к реабилитации Средневековья или с его выдержанной в духе современной газетной политики критикой Оттона I. Впрочем, излагаемые им факты едва ли могут быть кому-либо неизвестными. А его интерпретация представляет собой социологическую проблему, в решение которой он едва ли внес что-то существенное, во всяком случае куда меньше, чем столь остро критикуемый им Зандер.

- ³ Любое социальное состояние содержит в себе остатки предшествующего и зародыши последующего, причем последние особенно бросаются в глаза исследователю, рассматривающему прошлое сквозь очки более позднего времени. *Natura non facit saltum*, и о каждом состоянии в смысле некоего четко зафиксированного типа можно говорить только как об абстракции. Однако в целях «экономии мышления» такие абстракции необходимы. Кроме того, каждое состояние в своей тотальности (не как абстракция) порождает последующее в его тотальности. Однако полученный посредством абстракции тип отнюдь не обязательно должен породить следующий за ним тип того же самого логического ха-

рактера, поскольку схваченные в нем элементы реального исторического объекта в лучшем случае являются лишь частью реальных действующих причин, — в этом состоит одна из трудностей любой «теории развития». Верно, что, как подчеркивает фон Белов, социальные силы Средневековья невозможно свести к «частным» отношениям и что в них всегда так или иначе присутствовала «коллективная цель». Конечно, утверждение фон Гирке, что право пользования крестьянина и территориальная власть короля совмещаются в одном понятии пространственно-вещного права, в силу своей всеобщности и резкости содержит явное преувеличение. Однако этой «несводимости» и «коллективной цели» недостаточно, чтобы говорить о «государстве», если это слово должно сохранять связь с тем, что так называем мы, а это признание не освобождает нас от задачи максимального уточнения того, что в том или ином социальном состоянии нам кажется существенным для исследовательских интересов.

Кроме того, социальное состояние может содержать различные, несовместимые по своей «внутренней логике» типы, которые следует рассматривать по отдельности. Поэтому имело смысл как проводимое фон Беловым различие между «ленным государством» и «феодалным государством», так и, например, различие между «ленной» и «аллодиальной» системами, проводившееся Роттеком. Хотя последнее подразумевает противопоставление двух принципов, а первое понимает «феодалное государство» как более широкое понятие, включающее в себя особое «ленное государство». Все такого рода попытки направлены на понятийную обработку исторического материала, которая только и способна открыть путь к ясности. Несомненно, ленная система никогда не охватывала все социальное тело целиком. Однако с IX по XIII век она представляла собой характерную для него организационную форму, наряду с которой постепенно развивалась и другая форма феодального государства, чтобы, в свою очередь, занять господствующее положение в последующие столетия.

- ⁴ Например, маркграф Восточной марки вплоть до X века был сменяемым должностным лицом. Однако еще остается вопрос интерпретации, на что больше было похоже его положение: на статус современного наместника, частного администратора, самостоятельно управляющего имением, или на статус арендатора. Ни одна из этих современных категорий, естественно, не подходит.
- ⁵ Георг фон Белов приводит примеры, призванные доказать обратное. Однако обнаруживающееся различие между имперскими и королевскими имениями, признаваемую возможность конфлик-

тов между «императором» и «империей» и т.д., пожалуй, не следует понимать в смысле признания наличия «публичной» сферы наряду с частной. Тем не менее ясно, что ситуация в империи отличалась от ситуации на той или иной территории. Мы говорим здесь только о последней.

- ⁶ Конечно, мы привыкли рассматривать определенные социальные функции как специфически «государственные», а другие — как специфически «частные». Однако здесь нет какой-либо четкой границы, если мы не хотим довольствоваться констатацией, что «государственным» является то, что в данный момент рассматривается как «государственное». Но это уже предполагает существование государства. Поэтому напрасный труд — как пытаться определять государство исходя из некоторых необходимых государственных функций, так и, наоборот, выводить из «сущности» государства «границы его сферы его действительности», как это пытались делать столетие назад и иногда все еще пытаются делать сейчас. В частности, «коллективная цель» — это отнюдь не то же самое, что «цель государства».

Для наших целей мне представляется целесообразным объединить «государственное» и «публично-правовое», поскольку лишь появление государства придает различию между публичным и частным правом его полное значение. Тем самым мы входим в противоречие с терминологией Зандера, хотя и не желаем оспаривать ее «правомерность». Впрочем, в более обстоятельном изложении мы бы не стали этого делать.

- ⁷ Кроме фон Гирке, см. также эссе Йохана Фридриха фон Шульте «Феодальное и современное государство» (*Schulte J.F. von. Feudalstaat und moderner Staat // Schulte J.F. von. Lebenserinnerungen. Bd. III. Giessen: Emil Roth, 1908*). В нем автор ставит под сомнение существование имперской армии и имперских доходов начиная с эпохи Штауфенов. По его мнению, никакого общего союза подданных тогда не было, а существовал только союз монархов, феодалов и городов. Подобным образом обстояло дело и на отдельных территориях. Эта картина верна не во всех деталях. Однако, несмотря на это, она дает верное общее впечатление. «Налог» этой эпохи фон Шульте характеризует как привязанное к земле, соединенное с зависимостью бремя.
- ⁸ В некоторых отдельных случаях мы обнаруживаем феномены, которые можно сравнить с современными налогами, например привлечение средств для выплаты дани, обещанной мадьярам королем Генрихом I. Это был сбор для целей империи, но проводившийся только в Саксонии. В остальном, несмотря на различные

попытки, например, Генриха IV, Генриха V и Оттона IV, империя перешла к налогообложению лишь в эпоху каммерцилера, общего пфеннига, ремермоната (названия имперских налогов. — *Примеч. пер.*), то есть в конце XV столетия, когда описанные в нашем тексте тенденции уже распространились по территориям. Там косвенное налогообложение выросло из регалий, которые в эпоху Штауфенов причислялись территориальным властям, — например, австрийский герцог в XII веке получил финансовые права короны, что существенно укрепило его положение, и он, тем более что привилегия 1156 года ослабила вассальную зависимость, с 1192 года именовался *dominus terrae*. Но характер сбора, именуемого податью (*Bede, Schoss, petitio, tallia*), который в XII–XIII веках взимался — насколько мне известно — на всех германских территориях, остается спорным. Георг фон Белов в своих работах (особенно: *Below G. von. Die direkten Staatssieuren in Julich und Berg // Zeitschrift des Bergischen Geschichtsvereins. Bd. 26, 28, 29*) постоянно подчеркивает «публично-правовой» характер этого налога и, наконец, в статье «Подать» (*Below G. von. Bede // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. Bd. 2. Jena: Gustav Fischer, 1909*) трактует его целиком и полностью в духе современного земельного налога и налога со строений. Отчасти под его влиянием почти во всей монографической литературе, посвященной данной специальной проблеме, была принята эта точка зрения, при этом, в свою очередь, отрицалось (особенно решительно фон Гирке) всякое родовое различие между оброком и этим земельным налогом. Сейчас, разумеется, не стоит придавать особое значение, с одной стороны, тому обстоятельству, что позднее эта подать многократно растворялась в оброке, а с другой стороны, тому, что в литературе на тему германских аграрных преобразований преимущественно выражалось мнение, что речь идет о «публичном» сборе, который должен быть отменен без компенсации. Однако многочисленные исключения из «налоговой повинности» ограничивают круг лиц, обязанных платить, который приблизительно соответствует сфере юрисдикции землевладельца, из которой эту подать выводил еще Карл Цоймер (*Zeumer K. Die deutschen Städtesteuern insbesondere die städtischen Reichssteuern im 12. und 13. Leipzig: Duncker und Humblot, 1878*). Тогда о ней можно было бы сказать то же самое, что и о самой юрисдикции. Право или власть судьи-землевладельца повышать сборы в таком случае точно так же основывались бы на его «особом отношении» к судебным решениям, как и его — и прочих сеньоров — право на другие сборы. Не стоит заходить настолько далеко, как Г.Л. фон

Маурер, Лампрехт или фон Инама-Штернегг, которые конструируют любую средневековую власть на основе сеньориального землевладения. Однако от отрицания этой точки зрения до понимания, что право феодала казнить и миловать своих подданных и «налоговое право» проистекают из государственной власти, ведет долгий путь, который совершенно неудовлетворительно задокументирован. По поводу литературы см. статью фон Белова. Для Австрии, поскольку, естественно, указанная подать обнаруживается в наиболее чистом виде именно там, где крестьянское сословие преобладает, наиболее показательна ситуация в Тироле, описываемая в работе Ф. Коглера, затем ситуация в Силезии, о которой можно узнать из сочинений Книса и Рахфала. Для более раннего понимания ситуации характерно сочинение Карла Генриха Ланга «Историческое развитие германского налогового права» (*Lang K.H. Historische Entwicklung der Deutschen Steuer verfassunggen.* Berlin, 1793). О богемской берне см. в работе Юлиуса Липперта «Социальная история Богемии в догуситское время» (*Lippert J. Sozialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit.* Bd. 1–2. Prag; Wien; Leipzig, 1896–1898). Моне (*Mone F.J. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins.* Bd. VI) считает подать пережитком римской эпохи. Бенно Глимман (*Gliemann B. Die Einführung der Akzise in Preussen // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* Bd. 29. 1873. S. 180–217) полагает, что первоначально подать платило и дворянство и что из нее развился территориальный налог XV–XVI веков, который также должен быть здесь упомянут. Людвиг Гофман (*Hoffmann L. Geschichte der direkten Steuern in Bayern — vom Ende des XIII. bis zum Beginn des XIX. Jahrhunderts. Ein finanzgeschichtlicher Versuch // Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen.* 1883. Bd. 4. Heft 5) говорит о том, что в XIII столетии подать и налог хотя и имели «частноправовой характер», однако содержали в себе зародыш государственной институции. Густав Шёнберг (*Schönberg G. Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV, und XV. Jahrhundert.* Tübingen: H. Laupp, 1879) полагает, что налоги в привычном нам смысле впервые начали развиваться в городах. Следует подчеркнуть, что Цоймер («Германские городские налоги») выражается весьма неопределенно и хотя считает «налог» (который он отождествляет с «податью») при том, что некоторые авторы противопоставляют друг другу эти понятия) фогтским правом, во многих случаях допускает возможность его сеньориального происхождения. Шмоллер (в *Jahrbuch I*), недолго думая, объявляет подать, взимавшуюся в XIII веке в Бранденбургской марке (она была отменена в 1280 году), «всеобщим налогом на имущество». Альфонс Допш

(*Dopsch A. Beiträge zur Geschichte der Finanzverwaltung Österreichs im 13. Jahrhundert // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1897. Bd. 18*) видит в таких институциях, как мархфуттер, ландпфенниги и бургверк, публично-правовые повинности и разделяет ту весьма распространенную ранее точку зрения, которой все еще придерживается Бруннер, что они представляли собой сборы с невоеннообязанного населения. См. также работу Карла Шалька «Австрийское управление финансами при Бертольде фон Мангене» (*Schalk K. Österreichs Finanzverwaltung unter Berthold von Mangeln 1412–1436 // Blätter des Vereins für Landeskunde von Niederösterreich. 1881. Bd. 15*). Брудер категорически утверждает, что «настоящие налоги» в Австрии платили только подданные монарха, владевшие землей, с которой выплачивался оброк, и безземельные крестьяне в поместьях сеньоров, фогтство над которыми осуществлял герцог, — впрочем, время от времени предпринимались попытки (например, в 1235, 1336 годах) выйти за пределы этого круга. Здесь эта проблема не может быть рассмотрена более подробно. Но, пожалуй, приведенного достаточно для оправдания того, что излагается в нашем тексте. Впрочем, дальнейшая аргументация не изменилась бы в своем ядре (разве что в отдельных пунктах), если бы пришлось говорить о государственном характере подати, как это вслед за фон Беловым, например, делают Бреннеке и Рудольф Хюбнер, хотя последний в своих «Основных чертах германского частного права» (*Hübner R. Grundzüge des deutschen Privatrechts. Leipzig: A. Deichert, 1908*) тем не менее отвергает разрыв между публичным и частным правом.

⁹ Аналогия: когда сегодня какие-либо предприятия терпят банкротство, это не слишком интересно. Однако если капиталистическое предприятие должно было бы обанкротиться в силу внутренней необходимости, то это было бы демонстрацией того, что имеет виду социалистическая теория банкротств, а именно заката предпринимательской формы производства.

¹⁰ Тем самым место отмирающего ленного союза заняла другая организационная форма. Как этот союз разрушил Каролингскую империю, — которая, если она в действительности была такой, как это выглядит на бумаге (*Dungern O. von. Staat und Volk durch die Jahrhunderte. Graz: Leykam, 1911; о фактах прежде всего см.: Dopsch A. Die wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschland. Bd. 1–2. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1912–1913*), на самом деле настолько приблизилась к форме государства, что точка зрения Зома, согласно которой Франкская империя представляла собой государство и лишь позднее утратила

этот характер, может оказаться верной, — так, в свою очередь, он сам был разрушен процессом патримониализации или аллодификации ленных поместий, в результате чего возникает новая, эгоцентрическая жизненная форма, в которой государство как особый институт становится социальной необходимостью. Античный *civitas* — племенной союз во главе с королем — Франкская империя — ленный союз — сеньориальный союз: все это различные типы Средневековья, сменяющие друг друга в исторической последовательности, но не в каком-то имманентном процессе развития.

- ¹¹ Сеньоры, замки которых располагались в удалении, как, например, графы фон Арко и Лодрон в Тироле, в полной мере использовали свое выгодное положение (*Sartori-Montecroce T.R. von. Beiträge zur österreichischen Reichs- und Rechtsgeschichte. Bd. 2: Geschichte des landschaftlichen Steuerwesens in Tirol. Innsbruck: Wagner, 1902*). Литература по этой теме весьма богата. Например, об иной ситуации в Богемии см.: *Gindely A. von. Geschichte der böhmischen Finanzen von 1526 bis 1618 // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Classe. 1869. Bd. 18. Heft 2.*
- ¹² Финансы были движущим фактором прежде всего во внутренней политике монарха, тенденции которой — например, благоприятствование крестьянству и вообще стремление занять положение защитника интересов «страны» — объясняются в первую очередь финансовыми интересами и ситуацией, обусловленной классовой точкой зрения сословий: именно финансовая необходимость подгоняла монархов и заставляла сословия отступать.
- ¹³ К этому моменту в жизни народов лучше всего подходит теория немецкого Бёрка — Галлера. Однако его заслуга состоит не в этом, а скорее в том, что он одним из первых попытался дать реалистическую философию феномена государства и способствовал легитимации этой точки зрения в противовес юридическим схемам. Его труды следует расценивать как — разумеется, не в полной мере удавшуюся — попытку создания «естественной теории государства» в духе К. Франца, содержащую очень много здравого смысла в часто кажущихся несколько примитивными фразах.

IV. *Сущность и границы налогового государства*

Мы увидели, что без финансовой потребности отсутствовал бы непосредственный повод для создания современного государства. То обстоятельство, что эта потребность возникла и что для ее удовлетворения был избран метод налогообложения, в свою очередь, объясняется процессом распада средневековых жизненных форм. Этот процесс можно проследить через все промежуточные причины вплоть до изменения условий хозяйствования; в конечном итоге он приводит к свободному индивидуальному хозяйству отдельных семей. Поэтому этот способ рассмотрения вещей открывает путь к глубочайшим основаниям социальных событий: налог — это не поверхностное явление, он является выражением этих событий, которые он обобщает в определенном направлении.

Налог не только способствовал созданию государства, он содействовал и его дальнейшему формированию. Налоговая система была тем органом, развитие которого инициировало развитие других органов. С помощью налогообложения государство проникало в частные хозяйства, получало все больший контроль над ними. К тому же налог приводит денежную экономику и дух расчета в те

уголки, где их еще не было, и тем самым, в свою очередь, оказывает формирующее воздействие на тот организм, в котором он развился. Его вид и уровень определяет социальная структура, но, однажды возникнув, он становится рычагом, за который могут ухватиться социальные силы, чтобы изменить эту структуру. Однако вся продуктивность этой точки зрения здесь может быть лишь намечена в самых общих чертах.

Итак, поскольку «государство» и «налог» так тесно друг с другом связаны, возникает естественный вопрос: а нельзя ли с этой стороны попытаться приблизиться к пониманию сущности государства?¹

Прежде всего, следует отметить, что для особого феномена «государства» — если это слово обозначает фактор социальной жизни, действие которого мы обнаруживаем в окружающем нас мире, а не только служит еще одним обозначением для «социальной общности» или «социальной организации» — не найдется пространства там, где «социализированы» все сферы социальной жизни и вся деятельность индивида растворена в социальном целом. Поэтому у примитивной орды нет государства: ее организация — это единство, выполняющее те функции, которые позднее достанутся государству, но оно еще не развило в себе какого-то особого государства. Если бы мы захотели найти в ней государство, то должны бы были просто отождествить его с социальным порядком.

По тем же самым причинам государства не было бы у социалистически организованного народа. Естественно, и такое социалистическое сообщество было бы субъектом международного права, а следовательно, и государством в международно-правовом смысле. Однако в его внутренней социальной организации отсутствовала бы государственная власть, которую можно было бы отличить от прочих общественных сил: если бы социализм был реализован путем захвата экономики государством, то в ходе

своей собственной экспансии государство ликвидировало бы само себя.

Таким же образом обстоит бы дело и в ассоциации, состоящей из одних сеньоров и вассалов (разумеется, такого никогда не существовало, как не существует в чистом виде «свободной экономики», но его следует представить в теоретических целях, если мы хотим подходить к определенным историческим ситуациям, вооружившись ясными понятиями): в таком сообществе был бы полностью воплощен жизненный идеал. Из него исходили бы основные идеи индивидуальной жизни, которая обнаруживала бы свой смысл в максимальном приближении к сверхперсональному и абсолютному, которое только известно социальной действительности. Конечно, имелись бы части народа, остававшиеся вне этого круга. Однако они также принадлежали бы к этому миру — как рабочие животные. Без «взнос» крепостных крестьян замок Святого Грааля был невозможен. Однако они были непричастны к нему, как античные рабы не были причастны к духу Афин. Здесь был Бог, был сеньор, был рыцарь — выражение жизненной формы эпохи, — но не было государства, разве что в том смысле, в каком можно было бы говорить о государстве пчел. Когда поток продуктивных переворотов смывает этот мир, когда рыцарь забывает о Граале и вспоминает о своих земельных владениях, этот порядок разлагается, как раздувшаяся от гнилостных газов мертвая туша, — и распадается на множество индивидов и семей с тысячами противоречащих друг другу интересов.

Лишь там, где индивидуальная жизнь содержит свой центр тяжести в самой себе, где ее смысл заключен в индивиде и его персональной сфере, где реализация личности является самоцелью, может существовать государство как реальный феномен. Лишь там оно становится необходимым и там оно возникает либо из «общей необходимо-

сти», находящей своего адвоката в будущем хозяине государства, либо таким образом, что у распадающейся всеобъемлющей общности сохраняются определенные — все равно какие — цели, поскольку вновь созданные индивидуальные автономии не могут или не хотят их достичь. Поэтому государство никогда не сможет стать самоцелью, а всегда остается лишь машиной для достижения этих общих целей. В силу своей сущности оно как представитель последних противостоит индивидуальным персонификациям самоцелей. Только тогда оно представляет собой особое, отличимое от прочих социальное явление.

Суть дела, естественно, в экономике. Экономика как дело всех или же соединение экономики в одну сверхиндивидуальную систему — сознательно регулируемую, а не только, как это происходит в любом хозяйстве, в систему автоматического взаимодействия индивидуальных и семейных эгоизмов — ведут к тому тотальному единству всякой культурной жизни², которое совершенно не оставляет пространства для государства. А индивидуальное хозяйство, возникновение которого из этих форм, пусть и посредством многочисленных промежуточных звеньев и идеологической огненной магии, так же, как и обратный процесс, если бы таковой имел место в будущем, может быть понято сугубо экономически, разрушает это единство. Индивидуальное хозяйство предоставляет индивида (или семью) ему самому и, словно яблоко в раю, вынуждает его открыть глаза на экономические реалии мира и выводить свои цели из своих интересов. Его горизонт сужается, его жизнь протекает исключительно в собственном доме, сквозь окна которого он смотрит на мир — причем не далеко, поскольку вскоре его взгляд упирается в стены других таких же индивидуальных психических домов. Теперь индивид хозяйствует для самого себя, а то, что не является чьей-либо индивидуальной целью, как правило, остается — как принципиально, так и фактически — ли-

шенным каких-либо экономических средств, если только, как, например, в случае с церковью, оно не способно утвердиться на каком-либо особенном экономическом базисе. Следовательно, фискальные требования являются первейшим жизненным импульсом современного государства. Поэтому налог настолько тесно связан с государством, что выражение «налоговое государство» может выглядеть почти плеоназмом. И поэтому финансовая социология так плодотворна для теории государства.

Естественно, государство не исчерпывается исполнением фискальных требований, соответствующих потребностям сообщества, которые дали для них повод. Став реальностью, социальной институцией и центром существования для людей, которые управляют государственной машиной и интересы которых сосредоточены на ней, признанное, наконец, индивидами, которым оно противостоит, пригодным для множества вещей, оно развивается дальше и вскоре превращается в нечто, сущность чего понимается уже не только с фискальной точки зрения и для чего финансы становятся служебным средством. Если финансы создали и сформировали современное государство, то теперь оно, в свою очередь, формирует и развивает их — проникая глубоко в плоть частных хозяйств.

Но решающим для реалистического понимания феномена государства — наряду с его характером как машины для достижения тех или иных относительно локальных целей, машины, которой *противостоит* вся целостность национальной культурной жизни со всеми ее основными движущими силами, — является признание значения той группы людей, в которой оно социально реализуется, и тех факторов, которые обеспечивают господство над ним³.

Это объясняет реальную силу государства и то, каким образом она используется и развивается. Поначалу монарх, из рук которого современная континентальная демократия получила или собирается получить государство,

по большей части действительно был его хозяином. Но позднее во многих случаях можно было бы скорее говорить о том, что государство — это бюрократия. И в конце концов государству удалось — и этому способствовал кулак монарха — настолько глубоко проникнуть в психику народа, что оно действительно смогло превратиться в нечто неперсональное, в машину, которой управляют умы, умеющие лишь служить, но не властвовать. Такое государство, возможно, сохранится только как мысленная привычка своих граждан. Быть может, в некоторых странах это уже так.

Но в любом случае у него есть совершенно определенные границы. Разумеется, не в смысле концептуально устанавливаемых границ сферы его действия, а в смысле границ его финансовых возможностей. В каждом конкретном случае они весьма различаются по объему, в зависимости от богатства или бедности страны, от конкретных особенностей ее национальной и социальной структуры, от типа богатства государства. Ведь есть большая разница между новым, активным, растущим богатством и богатством старым, между предпринимательскими и рентными государствами. Кроме того, границы могут существенно различаться в зависимости от масштабов военных ассигнований или расходов на обслуживание долга, от силы и морали бюрократии, от интенсивности присущего народу «этатизма» и т.д. Однако они всегда существуют, и в общем и целом их можно теоретически определить исходя из сущности государства.

Кроме того, современное буржуазное государство никогда не господствует в своей чистой форме. Оно повсюду пронизано элементами прошлого, на него повсюду падают — более или менее различимые — тени образов будущего. Однако сегодня оно все еще является выражением наиболее созидательных сил. И всюду его существование обособлено не только от индивидов и семей, частная

жизнь которых стала для них центром и самоцелью, но и от совокупности этих индивидов. Всюду государство относительно ограничено в средствах по сравнению с частными хозяйствами (смысл и движущая сила которых состоит в обслуживании этой частной жизни и которые производят свою продукцию только для этого) и зависит от того, что оно у них отнимет. Даже если его присутствие становится ощутимым повсюду, оно, несмотря на фразеологию, которую государственные органы внушают всем гражданам с детства, всегда остается чем-то периферийным, чуждым, даже враждебным собственным целям частного хозяйства, в любом случае чем-то производным.

Здесь мы сталкиваемся с фактом, который может стать руководящим принципом для теоретического исследования экономической продуктивности налогового государства: в буржуазном обществе каждый работает и экономит для себя и своих близких, а сверх этого — разве что ради им самим выбранных целей. То, что вообще производится, производится для целей частных экономических субъектов. Движущей силой является индивидуальный интерес — разумеется, взятый в очень широком смысле и отнюдь не тождественный гедонистическому индивидуалистическому эгоизму. В этом мире государство живет как экономический паразит. Оно может извлекать из частной экономики лишь столько, сколько совместимо с сохранением этого индивидуального интереса в каждой конкретной социально-психической ситуации. Иными словами, налоговое государство не должно требовать от людей, чтобы они теряли финансовый интерес к производству или прекращали вкладывать в него всю свою энергию. Существуют весьма значительные различия в том, как люди относятся к конкретному государству и конкретной исторической ситуации, в которой выдвигаются соответствующие требования. В периоды патриотического возбуждения налоговая нагрузка, которая в *нор-*

мальной ситуации привела бы к остановке производства, совместима с адаптацией производственных сил к чрезвычайной ситуации. Однако, хотя эта граница в зависимости от обстоятельств может устанавливаться по-разному, ее в любом случае можно обнаружить на основании нашего принципа.

Сначала рассмотрим потенциал косвенных налогов. Последствия, которые они вызывают, стимулируя процессы перераспределения и ограничения потребления, невозможно кратко описать во всей их огромной сложности. Однако нас интересует не то, каким образом они тормозят или разрушают сначала экономику, затем образ жизни, а вследствие этого, в конечном счете, уровень культуры и в какой мере ими можно объяснить интеллектуальный и моральный кризис большинства населения многих государств нашего времени. Нам достаточно того, что они составляют пока что необходимый и в любом случае — важнейший элемент механизма налогового государства, а также того факта, что для налоговой нагрузки по каждой статье и, следовательно, для всего налогообложения в целом существует определенный уровень, превышение которого ведет не к увеличению, а к уменьшению налоговых поступлений. Однако установлению такого уровня, который приносит максимальный доход, препятствуют две серьезные практические трудности. Во-первых, любой значительный косвенный налог вызывает изменения — как технической, так и коммерческой природы — в производственном организме, последствия которых весьма затруднительно предвидеть. Во-вторых, ситуация, в которой вводился налог, не остается неизменной и в других отношениях; почти всегда появляются и какие-то другие «причины нарушений», которые, как, например, случайное расширение производства соответствующего товара за границей, ослабляют воздействие налога на потребителя или, как, например, одновременный рост насе-

ления, обостряют ситуацию для потребителя, но смягчают для производителя. Этими трудностями отчасти объясняется (а отчасти и, возможно, в большей мере причина состоит в несостоятельности финансовой политики) то обстоятельство, что вплоть до наших дней почти все государства в том или ином случае косвенного налогообложения выходили далеко за рамки поставленных целей и устанавливали такой уровень нагрузки для некоторых товаров, который наносил ущерб финансовым интересам самого государства, так что снижение налогов способствовало бы росту доходов. Самые блистательные примеры такой политики повышения доходов путем снижения налогов дали Питт-младший и Гладстон. Однако всегда имеется определенный уровень максимального дохода от всякого косвенного налога, после превышения которого доход вновь снижается. При достаточной компетентности его всегда можно было бы установить. Больше этого — а стало быть, независимо от воли государства — максимального дохода из косвенного налога не может выжать никакая фискальная система. Если он достигнут, то достигнута и граница эффективности данного метода налогообложения. Никакая потребность в дополнительных средствах не в силах ее подвинуть.

С прямыми налогами на практике дело обстоит менее ясно, но оно иное только на первый взгляд. Мы рассмотрим только налоги на отдельные виды доходов: на предпринимательскую прибыль, на монопольную прибыль, на процент с капитала, на земельную ренту и на заработную плату. (Мы можем ограничиться ими, поскольку к специальным налогам на отдельные формы доходов из этих категорий, таких, как налоги на строения, налоги на дивиденды и т.д., применим тот же самый ход рассуждений, что и к рассмотренным выше косвенным налогам. А подоходный налог для каждого является лишь налогом на те поступления, из которых состоит его доход. Только налог

на имущество, который не выплачивается из доходов, подобно прусскому, представляющему собой просто особый подоходный налог, а предусматривает действительную передачу имущества, составляет самостоятельный случай, который, однако, мы можем здесь лишь принять к сведению, не останавливаясь на нем подробно, — мы вернемся к нему в следующем разделе.)

Предпринимательская прибыль в собственном смысле слова — то есть взятая отдельно от процента с капитала, с которым ее ранее смешивали, от премии за риск, которая очевидным образом не является чистым доходом, и от заработной платы предпринимателя, которая представляет собой особый случай заработной платы, — в капиталистической экономике возникает всюду, где с успехом вводится какой-нибудь новый метод производства, новая коммерческая комбинация или новая организационная форма. Она представляет собой премию, которую капитализм связывает с внедрением новшеств. Она непрерывно появляется, но и непрерывно же исчезает в силу растущей конкуренции, которая, привлекаемая прибылью, следует по пятам за успешным первым инноватором. Если бы эта прибыль изымалась в качестве налога, то в экономическом процессе отсутствовал бы тот элемент, который в настоящее время составляет важнейший индивидуальный мотив для труда, способствующего индустриальному прогрессу. Даже если бы вследствие обложения ее налогом она только существенно сократилась, то индустриальное развитие — и это в достаточной мере демонстрирует судьба Австрии — значительно бы замедлилось. Очевидные последствия для национальной экономики — а вследствие этого, в конечном счете, и для государственных финансов — нас здесь не интересуют. Для нас важно лишь одно: то, что для обложения прибыли налогом существует определенная граница, выше которой налоговая нагрузка не может подняться, сначала не нанеся ущерб объекту нало-

гообложения, а затем его не уничтожив. Идеально совершенная, индивидуально трактующая каждый случай появления предпринимательской прибыли налоговая практика могла бы принести гораздо бóльшие суммы, чем реальная практика, которая при относительно незначительных успехах брутально уничтожает многие возможности экономического развития. Однако и самая идеальная налоговая техника натолкнулась бы на определенную границу, причем очень скоро.

Иначе обстоит дело с монопольной прибылью и земельной рентой. Например, монопольную прибыль какого-нибудь картеля, то есть разницу между чистым доходом и суммой, необходимой для оплаты использованных средств производства (включая процент с капитала), можно почти целиком изымать в качестве налога, не опасаясь каких-либо неблагоприятных последствий. То же самое относится и к чистой земельной ренте, то есть тому элементу чистого дохода от сельского или городского земельного участка, который останется, если вычтут проценты на инвестированный в него капитал (включая и суммы заработной платы, израсходованные на вложение капитала и эксплуатационные издержки), — но, естественно, не проценты покупной цены! Ведь поскольку эта чистая земельная рента представляет собой лишь плату за данные природой блага, которые никуда не деваются, даже если собственник не извлекает из них дохода, и поскольку мотив эксплуатации земельного участка состоит в возможности получения дохода от труда и капитала, который все еще остается и при изъятии земельной ренты в качестве налога, то такой налог никак не влияет на производственный процесс. То же самое относится и к случайным прибылям, не являющимся результатом специальной экономической деятельности. К ним, разумеется, лишь в редчайших случаях относятся наследства, но, пожалуй, часто — различные формы «необоснованного завышения

стоимости», хотя обычно очень тяжело из всего обилия того, что обыватель считает необоснованным завышением стоимости, выделить то, к чему действительно подходит эта характеристика, и где именно завышению стоимости нельзя приписать функцию премии за риск или элемента процентной ставки. Во всех этих случаях перед нами идеальные объекты для налогообложения при условии, что их можно безошибочно распознавать, отделять от похожих, но весьма от них отличающихся, и корректно обрабатывать с точки зрения налоговой техники. Впрочем, до сих пор это еще никому не удавалось — скорее, на практике мы по большей части сталкиваемся с чем-то вроде попытки взвалить мешок с мукой на тень осла. Здесь также имеется определенная граница: однако она задается только наличием и размерами таких объектов налогообложения.

В случаях процента с капитала и заработной платы налог не может проникнуть слишком глубоко в объект налогообложения. Так как мы здесь подразумеваем налогообложение *всех* форм дохода с капитала и заработной платы, то, разумеется, вопрос не стоит о переориентации капитала и труда на какое-либо иное использование. А поскольку речь здесь идет о проблеме, общей для *всех* налоговых государств, мы не намереваемся обсуждать и склонность капитала и рабочей силы мигрировать в страны с минимальным налоговым бременем — сколь бы важным ни было это именно для Австрии. Но и тогда как для капитала, так и для труда все еще возможны две реакции. Поскольку налоги ведут к повышению процентной ставки и ставки заработной платы, которые должен платить предприниматель, они препятствуют расширению производства, которое происходило бы без них. Но пока эти налоги взимаются с дохода капиталиста или рабочего, они в некоторых случаях могут даже способствовать большей экономии и выработке. Однако для капитала вообще эти случаи представляют собой редкие ис-

ключения, а для труда они будут иметь большее значение лишь в том случае, если рабочий день до введения налога был относительно коротким. Во всех прочих случаях образование капитала парализуется, а в конечном счете при отсутствии амортизации и, соответственно, неисполнении ремонтных работ оно может превратиться в сокращение капитала. А изъятие более высоких трудовых доходов, о которых, собственно, только и идет речь, препятствует любой производительности труда, превышающей средний уровень, если только она сама не является самоцелью. Повторим: народно-хозяйственные последствия таких налогов нас здесь не интересуют. Важно то, что их доходность ограничена не просто, скажем, размерами объекта налогообложения за вычетом прожиточного минимума налогоплательщика, а природой движущих сил свободной экономики. Разумеется, обыватель считает доходы, приносящие крупные поступления, почти неисчерпаемыми источниками налогообложения. А наш преимущественно мелкобуржуазно ориентированный интеллеktуал склонен проводить границу, с которой, как он говорит, начинаются большие доходы, чуть выше уровня заработной платы или размера какого-то иного дохода представителей тех классов, которые он надеется достичь сам. Однако количество, уровень и налоговый потенциал⁴ больших доходов не так уж и высоки, причем едва ли они где-нибудь ниже, чем у нас. Случай бездетного и живущего на унаследованную ренту миллионера, чей доход определен раз и навсегда и поэтому, не снижаясь, может облагаться любым налогом, редок — хотя, возможно, однажды настанет время, когда вся буржуазия превратится в одного бездетного миллионера-рантье.

Разумеется, налоговое государство не ограничивается получением вторичных доходов. Оно не только распоряжается — чаще всего небольшим — наследством, доставшимся ему от его предшественника, но и создает в

мире капитализма свою собственную экономическую сферу и становится предпринимателем. Я говорю здесь не об «участии в прибылях» частной индустрии, ведь это просто другое слово для обозначения налога, а только о предприятиях, которыми оно само управляет. Если оно это делает, то, конечно, выходит за свои собственные границы. Однако пока налоговое государство не поглотило всю или большую часть национальной экономики, оно остается по своей сущности тем же, чем и было. Решающим критерием является то, работает оно все еще — если не принимать во внимание то монопольное положение, которое оно способно себе обеспечить, — в среде свободной экономики, данные и методы которой оно должно применять и на своих предприятиях, или нет. Если да, если государство в капиталистическом духе работает прежде всего ради максимально высокого денежного дохода, то его прибыль ограничена экономическими законами капиталистической производственной прибыли. А эти границы уже, чем полагает обыватель. Поскольку государство, как и всякий другой предприниматель, разумеется, должно работать с денежным капиталом, а приобрести этот капитал оно может только путем займа, маловероятно, что оставшаяся прибыль — даже при чрезвычайной финансовой выгоде возможного монопольного положения и даже если мы совсем не будем принимать во внимание действительно весьма незначительные предпринимательские умения государства — будет существенно выше той суммы, которую можно было бы извлечь из этой отрасли посредством прямого и косвенного налогообложения, включая налогообложение доходов, полученных от этой отрасли.

Итак, мы видим, насколько бездоказательно утверждение, что в государственной экономике, в отличие от частного хозяйства, доходы просто определяются расходами. Финансовая эффективность налогового государства имеет свои границы⁵ не только в некоем самоочевидном смыс-

ле, который относился бы и к социалистическому сообществу, но и в намного более узком, фатальном для налогового государства смысле. Если воля народа требует все больших общеэкономических расходов и все большие средства используются для достижения целей, которые не предусматривались создававшими их частными лицами, если за этой волей стоит все более мощная сила и, наконец, если новый взгляд на частную собственность и образ жизни распространяется во всех слоях народа, то это означает, что налоговое государство исчерпало себя и общество должно полагаться не на индивидуальные эгоизмы, а на какие-то другие экономические движущие силы. Эта граница (а стало быть, и кризис, который оно не переживет) вполне достижима: нет сомнений, что налоговое государство *может* рухнуть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При оценке подобных попыток следует принимать во внимание три обстоятельства. Во-первых, бесконечное разнообразие точек зрения, с которых может представлять интерес сущность государства. Но для каждой из этих точек зрения в нем оказываются важными различные моменты. С каждой из них сама эта сущность представляет собой нечто иное и с каждой — что нам не так-то просто признать и что в случае непризнания ведет к многочисленным бесполезным контрверзам и мнимым «проблемам» — это иное истинно. Если, например, кто-то желает выявить метафизический смысл государства, то уровень и горизонт его рассмотрения не пересекаются с нашими. Или если кто-то дает определение государства с юридическими целями, то это не имеет ничего общего с нашей целью. Для нас речь идет только об исследовании определенного исторически данного, четко очерченного фактора социальной жизни. Во-вторых, одно лишь понимание процесса возникновения какого-либо социального феномена само по себе еще не раскрывает ни его «сущности», ни его «смысла», ни его «культурного значения», ни его «внутренней логики». Если бы финансово-социологическая точка зрения позволяла нам постичь только генезис государства, то мы посто-

янно оказывались бы в положении человека, пытающегося «объяснить» впечатление от ландшафта посредством изучения его геологии. Заметим, что мы отнюдь не впадаем в заблуждение, состоящее в стремлении отыскивать сущность явления в движущих силах его возникновения и затушевывать своеобразие уже возникшего типа, ретроспективно разлагая его на зародыши. В-третьих, всякий реалистический анализ государства произрастает, так сказать, на уже испорченной почве. Тенденция, характерная для современных почитателей государства, видеть в нем в максимальном масштабе нечто «наивысшее» и «всеобъемлющее» расширяет современное понимание государства далеко за его истинные измерения — подобно тому, как фасадная техника визуально увеличивает многие ренессансные церкви. Если в какой-то неправдоподобной аберрации все культурные смыслы подчиняются целям государства, то в силу объема оно становится какой-то гигантской абстракцией, охватывающей всю социальную жизнь, все ее институты и прочие реалии. Тот, кто говорит о государстве там, где имеется какая-либо социальная организация, разумеется, обнаруживает его повсюду, — но оно теряет все то, что характерно для государства. Естественно, то же самое относится и к государству как воплощению нормы, как к порядку вообще.

- 2 Это объясняет феномен, обозначаемый как «объективность» культуры, понимание культурных продуктов как сверхиндивидуально санкционированных норм — в противоположность субъективистскому расщеплению культуры свободной экономики.
- 3 Не следовало бы говорить: государство делает то или это. Всегда важно знать, кто или чьи интересы приводят государственную машину в движение и кто говорит от ее имени. Такое понимание должно быть неприемлемо для каждого, кому государство представляется высшим благом народа, вершиной его достижений, средоточием всех его идеалов и сил. Однако только такое понимание соответствует действительности. Оно ко всему прочему включает в себя и все то, что является правильным в самой по себе ошибочной теории, согласно которой государство представляет собой не что иное, как средство эксплуатации, находящееся в распоряжении господствующего класса: ни идея классового государства, ни представление о государстве как о реальности, возвышающейся над всеми партиями и классами в качестве просто организованной «целостности», не адекватны сущности государства. Однако ни одно из этих воззрений не взято из воздуха: государство так или иначе отражает соотношение социальных сил, даже если само оно и не является всего лишь их простым отраже-

нием, поскольку государство способствует возникновению идеи государства, в которую народы в зависимости от обстоятельств вкладывают те или иные смыслы, пусть даже оно отнюдь не является порождением абстрактной, охватывающей всю социальную целостность идеи государства.

- ⁴ Впрочем, налоговый потенциал больших доходов только с точки зрения современного идеала справедливости выше, чем потенциал равной суммы, если она распределена между более мелкими доходами, за исключением того случая, когда они приближаются к прожиточному минимуму: в общем и целом тут нет никакого отличия в зависимости от экономического потенциала, то есть те реакции частного хозяйства на налоговую повинность, о которых шла речь в тексте, возникают в целом как при больших, так и при небольших доходах.
- ⁵ Чем ближе налоговое государство подходит к этим границам, тем с большим сопротивлением и потерей сил связана его работа. Растет армия чиновников, необходимая, чтобы претворять в жизнь налоговые законы, становится все более настойчивой налоговая инквизиция, все более невыносимым налоговое крючкотворство. Эта непродуктивная трата сил демонстрирует, что смысл организации государственного налогообложения состоит в автономии частного хозяйства и частной жизни и что она утрачивает свой смысл, если не может более соблюдать эту автономию.

СЕРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: id.hse.ru/books/series/25279647/

Научное издание

Йозеф Шумпетер

КРИЗИС НАЛОГОВОГО ГОСУДАРСТВА СОЦИОЛОГИЯ ИМПЕРИАЛИЗМОВ

Зав. книжной редакцией Елена Бережнова

Редактор Константин Залесский

Верстка: Юлия Петрина

Корректор Ольга Кириллова

Дизайн обложек серии: ABCdesign

Полина Лауфер

Макет обложки:

ABCdesign

Анна Хабарова

Валерия Великодная

Дизайн блока серии: Сергей Зиновьев

На обложке — Photo by Daniel von Appen on Unsplash
(https://unsplash.com/photos/a-couple-of-blue-and-white-shipping-containers-0wogewHn1HQ?utm_content=creditShareLink&utm_medium=referral&utm_source=unsplash)

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 30.10.2024. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 9,2. Печать офсетная
Тираж 600 экз. Изд. № 2842. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13,
тел.: +7 8352 56-00-23